

Евгений Велтистов

Новые приключения Электроника

Часть сборника
Все про Электроника (сборник)

Приключения Электроника и его друзей

Евгений Велтистов

Новые приключения Электроника

«АСТ»

1988

Велтистов Е. С.

Новые приключения Электроника / Е. С. Велтистов — «АСТ»,
1988 — (Приключения Электроника и его друзей)

ISBN 978-5-17-068090-0

«Шли последние кадры телефильма «Приключения Электроника». Серебряный мальчик и собака медленно направились к школе. К стеклянно-торжественному зданию, стоящему на зеленом поле среди жилых домов. “Приехал!” – крикнул с экрана телевизора никогда не дремлющий рыжий мальчишка Чижиков. И его сразу услышали на всех этажах. Пустая как будто школа неожиданно ожила, засверкала распахнутыми окнами, загудела привычным многоголосьем, загремела топотом спешащих ног. Из дверей хлынули потоки ребят. Они струились со всех сторон к смущенно остановившимся, вернувшимся в свою родную школу путешественникам. “Приехал! Приехал! Приехал!” – летели в самую вышину неба звонкие голоса, пронзая облака, убыстряя полет голубей, а потом, подхваченные весенним ветром, неслись все дальше и дальше над городом: “При-е-ха-а-ал!” ...»

ISBN 978-5-17-068090-0

© Велтистов Е. С., 1988

© АСТ, 1988

Содержание

Электроники, Сыроежкины и другие	6
Девочка с несмеющимися глазами	11
Взрыв энергии	16
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Евгений Велтистов

Новые приключения Электроника

© Е. С. Велтистов, наследники. 2010

© В. А. Приходько. Предисловие, 2010

© ООО «Издательство Астрель», 2010

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Электроники, Сыроежкины и другие

Шли последние кадры телефильма «Приключения Электроника». Серебряный мальчик и собака медленно направились к школе. К стеклянному-торжественному зданию, стоящему на зеленом поле среди жилых домов.

«Приехал!» – крикнул с экрана телевизора никогда не дремлющий рыжий мальчишка Чижиков. И его сразу слышали на всех этажах. Пустая как будто школа неожиданно ожила, засверкала распахнутыми окнами, загудела привычным многоголосьем, загремела топотом спешащих ног. Из дверей хлынули потоки ребят. Они струились со всех сторон к смущенно остановившимся, вернувшимся в свою родную школу путешественникам. «Приехал! Приехал! Приехал!» – летели в самую вышину неба звонкие голоса, пронзая облака, убыстряя полет голубей, а потом, подхваченные весенним ветром, неслись все дальше и дальше над городом: «При-е-ха-а-ал!»

– Куда я приехал, если я никуда не уезжал? – спросил Электроник, выключая телевизор. – Это Рэсси вернулся из космоса. А я играл в шахматы с гроссмейстерами.

Сергей Сыроежкин с любопытством взглянул на друга. Все вроде бы точно в кино: Элек – это Элек, гениальный, можно сказать, сверхсовременный робот, почти настоящий человек. Сергей вспомнил, как встретился на берегу реки с электронным мальчиком, похожим на него будто две капли воды. Как робот ходил за него в школу и зарабатывал пятерки. Как Элек изобрел Редчайшую Электронную Собаку – Рэсси. И они вместе спасали редких животных, выручали из беды самого Рэсси. Да, в их жизни было немало настоящих приключений, они описаны в книге, но как давно, казалось, это произошло. Вроде бы прошли не годы, не месяцы, а века.

– Ты прав, – сказал Сергей другу и налил в стакан лимонад. – Это кино. Пока его снимали, ты обыграл в шахматы экс-чемпионов мира. Обыграл – и точка. Без всякой там фантастики. – Он небрежно махнул рукой, словно был учителем и тренером нового чемпиона. – Понял?

– Я давно понял, что кино – это фантазия на пленке, – подтвердил Электроник. – В моих схемах события зафиксированы точнее.

– Еще бы!..

И все же Сыроежкина взволновало увиденное на экране. Когда-то он прятался от людей, боясь, что его уличат в обмане – в подмене себя Электроником. И вот в кино его выдумка обернулась веселой шуткой. Все знают теперь, что у него есть верный друг, который мечтает стать человеком. Таким, как он, Сергей Сыроежкин.

– Нравится мне Чижиков-Рыжиков! – неожиданно сказал Электроник и улыбнулся. – Он до всего додумывается сам.

Сыроежкин чуть было не поперхнулся лимонадом.

– Нет у нас такого в школе! Ни Чижикова, ни Рыжикова! Это придумано, чтобы смешнее было! – возмущался Сергей.

– Сегодня Чижиков в кино, – спокойно ответил Элек, рассчитывая близкое будущее, – а завтра может и появиться...

– Завтра у меня алгебра, – перебил Сыроежкин, забыв о внезапной славе.

Да, завтра первый в его жизни экзамен. Что будет, если провалит? Позор! Никакое кино не поможет... Придется начинать жизнь сначала.

Элек уловил тревогу в голосе друга, предложил:

– Пойдем повторим алгебру. На это потребуется полчаса. И сделаем пробежку вокруг дома...

Они спустились по лестнице во двор, выкрикивая и повторяя формулы. Формулы очень важные, значимые, определяющие завтрашнее утро Сергея Сыроежкина.

А во дворе математики сбились с программы: не могли сразу сообразить, что здесь происходит.

На них бежала толпа ребят и кричала хором:

– Э-лек-тро-ник!

– Это я! – сказал Элек, остановившись, став на минуту собственной статуей.

Но никто из болельщиков не обратил на Электроника внимания. Толпа пронеслась к соседнему подъезду, где какой-то малыш провозглашал:

– Я – Электроник! Я – Электроник!

И приседал, и сиял, и приплясывал от удовольствия, видя, что его, именно его ватага ребят во главе со старшим братом признала Электроником.

Позже Элек определит это явление как «накатывание и откатывание волны славы» и даст математическую модель непредвиденных заранее событий, но сейчас... Сейчас он молча наблюдал.

Вокруг них носились, прыгали, скакали на одной ножке, яростно спорили, мечтали вслух десятки Сыроежкиных и Электроников. Впрочем, некоторых на первый взгляд трудно было определить – кто они такие. Ясно одно: все играли в робота и человека.

Вот прыгает по нарисованным на асфальте «классам» девчонка, ловко выбивая ногой из клетки в клетку коробочку из-под гуталина, и сочиняет на ходу:

Всем известно в этом мире:
Дважды два – всегда четыре,
Дружба верная – навек...
Робот, ты не человек...

– Не человек? – спросил, остановившись, Элек.

– Почему не человек? – повторил хмуро Сергей. – Не обращай внимания на болтушку! – Он потянул приятеля за рукав.

Девчонки, принимавшие участие в игре, засмеялись, разглядывая очень похожих мальчишек.

– Чтоб задачи все решались... – ответила одна школьница.

– Чтобы роботы смеялись... – вторила насмешливо другая.

– Чтобы не было проблем... – подхватила третья.

И хором они закончили:

Электроник, Электроник,
Электроник нужен всем!

Приятели смущенно фыркнули и нырнули в кусты.

– Телеэпидемия? – спросил Сыроежкин.

– Я анализирую, – ответил Элек. – Мы собирались повторить алгебру, – напомнил он.

Они зашли в соседний двор в надежде найти здесь тихое место и оказались свидетелями спора.

– Чудак этот Электроник! – кричал у подъезда здоровенный курчавый парень. – Новой жизни захотел! Круглый отличник... Робот-идеалист...

– Выходит, стать человеком – это чудачество? – спросила девчонка в белой тенниске.

– Конечно! – утвердил свою мысль взмахом кулака курчавый. – Всю жизнь – учиться! Какая это жизнь?! Надо придумать что-то новое...

Приятели, развалившись на скамье, поддержали оратора смешками.

– Вы правы, – сказал, вступая в круг спора, Электроник. – Я убедился, что всю жизнь надо учиться.

– Ты кто такой? – быстро отреагировал заводи́ла спора.

– Электроник! – представился Эл.

– У нас своих Электроников хватает! – усмехнулся курчавый, указывая на приятелей. – Уходи-ка, парень, не лезь не в свое дело.

– Что-то ты не очень вежлив! – Сергей заступился за друга.

Один из парней лениво, с угрозой в голосе сказал:

– Хочешь, наглядно продемонстрирую?

Сергей повернулся, пошел прочь.

– Может, проучить? – спросил Электроник.

– Не стоит. Пусть сами разбираются! – Сергей дернул плечом.

Вслед им летели реплики:

– А ведь он прав! Настоящий человек – это вежливый человек...

– Может, и в драке прикажешь быть вежливым?..

Друзья шли по аллее. Странно складывается этот вечер. Одни играли в героев фильма, другие угрожали расправой. И никто не признавал настоящих Электроника и Сыроежкина.

Сергей и Элек увидели вдалеке Майку. Она призывно махнула рукой. Ребята помчались навстречу. У отдаленной от освещенных аллей и затененной кустами беседки их встретил предупреждающий жест.

– Тс-с-с! – Майка держала палец у губ.

Впрочем, секрета тут не было, потому что на весь сквер, отталкиваясь от стен кинотеатра, похожего на рыцарский замок, летели лихие переборы гитары и нестройные голоса подростков:

Гений, гений, гений,
Майка Светлова из школы соседней!..
Майка а-коврик сплела...
Ла-ла-ла-ла, ла-ла-ла-ла...

– Что это значит? – Майка нахмурила брови. – Про кого «ла-ла»?

– Про кого? – насмешливо переспросил Сергей. – Про твой антигравитационный а-коврик. На котором улетел учитель физики. Помнишь? Они, наверное, прочитали в книге...

– Что было, то прошло, – заметила Майка. – А сейчас...

Треск гитары усилился, голоса завывали в модном ритме:

Летает на коврике Майка!
Попробуй ее поймай-ка!
И это не все еще дела...
Ла-ла-ла-ла, ла-ла-ла-ла!

Майка повернулась к Сергею:

– Пора домой! Завтра – экзамен.

– Пора, – согласился мальчишка. Неожиданно для себя он прыгнул на скамью и прокричал в близкую ночь:

Электроник, Электроник,
Электроник нужен всем!

На миг смолкли все звуки, даже шепот Вселенной. Мир впитал новую информацию. Но Электроник никак не прореагировал на заявление Сыроежкина, слава не вывела его из обычного равновесия, и мир снова стал прежним.

Мир в этом полушарии Земли, на этом континенте, на этой улице шелестел травой, наполнял воздух ароматом цветов, светил многоэтажными семафорами домов, подмигивал яркими вечерними звездами, спорил о чем-то важном и неизвестном, – словом, мир готовился вступить в завтрашний день.

Профессор Громов прогуливался после ужина.

Его не удивляли Элеки и Сыроежкины на улице и во дворах. «Вот и славно, очень даже славно, – думал Громов, вслушиваясь во взволнованные ребячьи голоса. – Сейчас решается вечная проблема: что такое человек? И кажется, что она решена. А завтра с восходом солнца возникнут новые вопросы, и все начнется сначала. Удивителен этот животворный круговорот жизни!...»

Громова не смутил даже солидный мужчина с тяжелым портфелем, который, подпрыгивая на ходу, точно первоклассник, напевал: «Мы маленькие дети, нам хочется гулять!...» Увидев Громова, прохожий чуть смутился, сменил походку на более спокойную и сделал неопределенный жест свободной рукой.

– Это так... – пробормотал он. – У меня галлюцинация.

– Прекрасно, – отозвался профессор. – Добрый вечер...

Прохожий махнул в ответ портфелем:

– Привет, профессор! – И скрылся за углом.

«Откуда он меня знает? – спросил себя Громов. – Впрочем, – подумал он, – в весенний вечер каждый серьезный человек не иначе как профессор...»

Громов остановился возле спортивной площадки, отгороженной от улицы сеткой. Он сначала не поверил глазам. Но сомнений не было: три девчонки гоняли футбольный мяч, забивали по очереди голы и окликали друг друга так: «Эй, Элек!.. Держи, Элек!.. Пасуй, Элек!.. Беги за мячом, Элек!...»

Профессор подошел к сетке.

– Прошу прощения, – сказал он, – что вмешиваюсь в игру. (Девочки приблизились к нему.) Почему вы себя так называете?

– А мы не хуже мальчишек! – сказала первая девочка с короткой стрижкой.

– Ничуть не хуже, – вмешалась вторая. – Я вот и в футбол, и в хоккей, и в регби играю... Зимой – лыжи, бассейн, а летом – легкая атлетика. Разве Электроник не такой?

– Мы им еще покажем – мальчишкам! – с вызовом добавила третья.

Профессор озадаченно покачал головой: надо же, какие девчонки! Не хотят ни в чем отставать...

«Мальчишки, мальчишки! – Он поймал себя на мысли о том, что все последнее время думал о мальчишках. – А чем хуже девчонки, если они хотят стать сильнее и бесстрашнее мальчишек? Да это великолепно! – возликовал профессор и подскочил на месте. – Это – замечательное открытие! Девчонкам нужна Электроничка, которая будет дружить с ними. С такими, как эти футболистки!»

И он быстрым шагом направился в свою лабораторию.

Звонок оторвал приятелей от алгебры. Элек открыл входную дверь.

На площадке стояла женщина с тяжелой сумкой почтальона через плечо.

– Здравствуйте. Вы Электроник или Сыроежкин? – спросила она.

– Электроник.

– Тогда получайте за двоих, – улыбнулась почтальонша. – В почтовый ящик не лезет...

Сергей, войдя на кухню, с удивлением наблюдал, как на столе растет груда телеграмм.

– Что это? – спросил он. – Кому это?

– Срочная корреспонденция, – пояснила почтальонша. – Некоторые без адреса. Просто: Электронику. Или – Сыроежкину. Но почта про вас все знает.

– Что с этим делать? – растерянно сказал Сергей. – Завтра у меня экзамен.

– Вам еще писем вагон и маленькая тележка, – весело сообщила почтальонша.

– Может, помочь принести? – предложил Элек.

– Не моя смена, – отозвалась почтальонша. – Корреспонденцию доставляют утром...

– Что делать? – переспросил Сергей, перебирая бланки с плотными строчками прописных букв. – Как отвечать?

– Самые срочные разнесет Рэсси! – решил проблему Электроник. И вызвал в переговорник: – Рэсси, ко мне!

Через несколько минут на балкон мягко, на все четыре лапы приземлилась из темноты ночи Редчайшая Электронная Собака.

Девочка с несмеющимися глазами

Помощника учителя математики вызвали с экзамена.

Элек вышел в коридор и узнал, что почта доставила письма по адресу, а в квартире Сыроежкиных никого нет.

Элек вполголоса изложил математику Таратару ситуацию и повторил слова почтальона: «Писем вагон и маленькая тележка».

Таратар вращал зрачками, сопел в щеточку усов, прикидывая, сколько конвертов может вместить вагон да еще в придачу тележка. Наконец, вздохнув, сказал:

– Иди, справлюсь сам.

Класс проводил Электроника одобрительными взглядами. Никогда еще восьмой «Б» не был на такой вершине человеческой славы.

Майя Светлова, придя с деловым настроением в школу, получила десяток записок от Сыроежкиных и Электроников с предложениями о дружбе. Она прочитала некоторые из них, рассердилась и... аккуратно положила в портфель.

Сергей сунул в карман записки от неизвестных ему Ма, М., М. М., М. М. М. и прочих незнакомок.

Электроник, разумеется, был вне конкуренции: больше всего записок было адресовано ему.

Неожиданно в классе, как и предвидел Элек, объявился свой Чижиков-Рыжиков. Веснушчатый, рыжеватый Славка Петров был атакован градом записок, и, прочитав их, зарделся еще сильнее. Славка на время стал киногероем: Чижиковым-Рыжиковым.

А Макар Гусев удостоился трех записок, но каких! В них он объявлялся рыцарем сердец трех телезрительниц. Макар покраснел, взглянул на Сергея. Сыроежкин казался спокойным. Тогда Макар приземлился на свою парту и заставил себя вспомнить важное и срочное слово «алгебра».

Алгебра! Первый экзамен на самостоятельность, экзамен на то, как ты сам математически анализируешь и моделируешь окружающий мир. Классические и современные задачи написаны на школьной доске, но ты волен выбрать для решения новейших примеров классические приемы, а для классических новые, неожиданные – был бы результат! Твоя, именно твоя мысль – человека, устремленного в будущее, – имела сейчас решающее значение!

Так или примерно так ощущали этот важный момент в жизни ученики и ученицы восьмого «Б», напряженно всматриваясь в условие задания, вывода формулы и графики, подбегая иногда к электронной парте «Репетитор», чтобы ускорить свои расчеты. Так или примерно так рассчитал про себя часы первого экзамена математик Таратар, пока не заметил летающих от парты к парте белых бабочек.

Таратар заволновался: неужели шпаргалки?

Он вспомнил свои школьные годы, как он с ребятами в классе обменивался заранее заготовленными, устаревшими сегодня ответами на задачи, и догадался: это не шпаргалки его детства, это нечто новое – бумажные бабочки весны, близких летних каникул.

Учитель заинтересовался: что же это за бабочки?

Он извлек несколько записок из тряпки, когда стирал ею с доски, написал новые формулы и, выйдя из класса, развернул мятые бумажки. С некоторым удивлением прочитал он их. Это были не ответы на экзаменационные вопросы, а лаконично сформулированные откровенные предложения о дружбе. Майке – от Макара Гусева, Электронику – от Майки, Гусеву – от некой «Икс». Подписи стояли четкие, но почерк был не Гусева, не Светловой и не Электроника.

«Ты удивительный, честный человек», – писала Элеку незнакомая Светлова. «Я открыл тебя на экране», – обращался к Майке некто под псевдонимом «Электроник». А «Икс» просто призналась Гусеву: «Как здорово ты гугукнул! Я весь вечер хохотала!..»

Таратар поперхнулся, обвиняя себя в неблагородстве, в том, что он читает чужие письма, повел таинственно бровями и вернулся в класс.

– Прошу продолжать! – сказал он громко. – И не снижать внимания! – Он больше не реагировал на перекрестный огонь записок, считая, что вскоре они прекратятся, что разумное математическое мышление возьмет верх над продолжением телеигры.

А они все летели, летели, летели...

Летели на всех экзаменах. Снизу вверх, сверху вниз и по горизонтали. Иногда попадали в руки учителей. И те пожимали плечами: сколько кинодвойников развелось!

Возможно, авторы записочек вспомнят впоследствии, что они в них написали, а может, и не вспомнят вовсе, но траектории всех этих странных бумажных стрел, шариков и фантов, которыми перебрасывались не только в восьмом «Б», а и во многих классах, переплелись с другими важными направлениями жизни – экзаменами, весенним настроением, срочными делами человечества – и привели к знаменитому эффекту, который сам министр назвал так: «Взрыв энергии».

Из почтового пикапа Электроник и молодой рассыльный извлекли пять мешков с письмами и поднялись в квартиру Сыроежкиных. Объемистые бумажные мешки водрузили в углу комнаты, отчего она сразу сузилась в объеме. Это и был тот самый обещанный «вагон» писем. Что же касается «тележки», то ею оказался пухлый целлофановый пакет с телеграммами.

– Завтра чтоб кто-нибудь был дома, – заявил деловито рассыльный. – Писем навалом, а у меня всего две пары колес!

Электроник сел на пол перед увесистыми мешками. Он был счастлив! Сколько новой, неожиданной информации о людях, о человечестве в целом содержат эти послания!

Первое же письмо поставило его в тупик. Не в математический, конечно, и не в житейский, а просто в какой-то абстрактный, непонятный для него самого тупик. Он позвал Рэсси, и тот вынырнул из темной комнаты.

– Замечен человек с несмеющимися глазами, – сказал, не отрывая взгляда от письма, Элек. – Разве это бывает? – Он поднял голову, посмотрел пристально на собаку. – По-моему, так не должно быть...

Рэсси гавкнул неопределенно, не осознавая важности поручения.

Письмо взволновало Электроника. Когда-то он сам не умел улыбаться и шутить, не мог заставить себя рассмеяться и испытывал большую неловкость. Неужели и среди людей есть такой несчастный человек?

Но письмо лежало перед ним, внизу – много подписей. Странную девочку видели в разных дворах, чаще всего на спортивных площадках. Она быстро бегала, тренировалась с мячом и ни с кем не хотела играть. Занятие спортом – дело личное, но тех, кто видел девочку, удивили именно ее глаза.

– Это девочка! – уточнил Электроник. – Вот и приметы и координаты. Узнай, где она сейчас!

Через несколько секунд с балкона Сыроежкиных стартовала летающая собака, похожая на большую стрекозу.

– Удачи, Рэсси! – пожелал ему счастливого поиска хозяин. – Запомни: девочка с несмеющимися глазами!.. – И он вынул из мешка новое письмо.

Пока Сыроежкин отсыпался перед экзаменом, они с Рэсси потрудились на славу. Элек стучал на машинке ответы на срочные телеграммы, а Рэсси, паря на прозрачных крыльях над полуночным городом, разносил их по разным адресам, опускал их в почтовые ящики или под-

совывал лапой под дверь. Запоздалые прохожие видели, как из подъезда стремительно выбежал сильный терьер, и дивились, что такую породистую собаку хозяева на ночь глядя выпустили гулять. А те, кто замечал, как из темных кустов бесшумно взлетала огромная птица, еще долго гадали, что за лесная гостя поселилась в городе.

Электроник стучал и стучал на машинке. Он работал всю ночь и еще полдня, пока в комнату не ворвался возбужденный Сергей.

– Вот потеха! С этими записками все на свете перепуталось! Представляешь, Кукушкина получила десять записок о дружбе, в том числе – от тебя!

– Я ей не писал, – спокойно ответил Электроник.

– В том-то и штука! – рассмеялся Сыроежкин, вспомнив лицо Кукушкиной, и плюхнулся в кресло. – Никто ей по-настоящему не писал. Ну, Кукушкина помчалась к учителю и покатила на всех бочку...

– Что же Таратар?

– Он долго пыхтел, потом достает из кармана записочку, спрашивает очень вежливо эту зануду: «А кто это писал?» А в записке – черным по белому: «Самый потрясный в кино – старикан Таратар». И подпись: «Кукушкина». Кукушка как взвизгнет, словно ее змея ужалила или привидение по голове погладило: «Не я, не я!...» И след ее простыл...

Сергей рассмеялся, мимически повторив сцену, и тут впервые увидел мешки с письмами.

– Ой, что это? Неужели нам?

– В основном тебе, – пояснил Электроник.

Сергей взял несколько писем со стола.

– Тебе... Тебе... Тебе... Все – тебе, – сказал он, взглянув на конверты.

– Эта реакция известна под названием «эффект Р. Даниэля», – сказал Элек с улыбкой. – В принципе она обманчива, но сама по себе любопытна...

И пояснил, что однажды знаменитый американский фантаст Айзек Азимов, автор трех основополагающих законов о робототехнике, получил в ответ на свои повести, в которых раскрывается загадочное убийство, массу писем от читательниц. И хотя честь раскрытия преступлений принадлежала человеку, все письма были адресованы механическому человеку Р. Даниэлю, помогавшему главному герою. Робота, как понятно, звали Даниэлем, а буква «Р» перед его именем означала «робот». Вот это «Р» и заинтриговало читателей и озаботило Азимова. По-видимому, сделал вывод писатель, робот, превосходящий по физическим данным человека, более увлекает читательниц, чем привычный герой... Любители фантастики шутливо называли это явление эффектом Р. Даниэля. Другие фантастические книги подтвердили необычайную популярность роботов.

– Так что все комплименты принадлежат тебе, – заключил Сыроежкин. – Р. Электронику!

– Никакой я не Р., – запротестовал Электроник. – Я твоё повторение и продолжение.

– Самое удачное! – подхватил Сергей и вытащил наугад из пачки письмо, прочитал вслух с середины: – «А мне лично нравится Сыроежкин. Если честно, кому из нас не хочется полной, абсолютной свободы?» – Восьмиклассник покраснел, бросил письмо на стол.

– Ее зовут Света К., – уточнил Элек.

– Знаешь, Эл, – Сергей хмуро оглядел мешки, – мне к литературе готовиться. А ты расплачивайся за этот эффект Р. Даниэля и Р. Электроника. И учти, что на конверте Светки К. твоё имя.

Но заняться как следует литературой Сергею не удалось. В квартире непрерывно звонил телефон. И по железному закону робототехники в трубке звучали одни девчачьи голоса, требовавшие Электроника. Сыроежкин однозначно отвечал, что Элека нет дома, но почитательницы роботов не отставали: «Может, вы Сергей Сыроежкин?» – «Нет, я старший брат, – нарочито хриплым голосом говорил Сергей. – Я передам, что вы звонили».

Одна из девочек сразу же представилась:

– Здравствуйте, я – Бублик.

И Сергей попался:

– Какой еще бублик?

– Так меня зовут в классе за то, что я круглая отличница.

– Поздравляю! – не выдержал Сергей.

– Спасибо. – Бублик вздохнула. – Только ничего хорошего в этом нет... Вчера я поняла, что училась неправильно...

– Как так? – удивился Сыроежкин.

– Я старательно усваивала материал и не думала, зачем это нужно. Теперь... – в интонации Бублика сверкнули оптимистические нотки, – теперь я много думаю... Каждый урок для меня как открытие... Вы меня понимаете? Передайте привет Элеку!

– Понимаю. Передам, – обещал Сергей.

– Извините...

На двадцатом звонке Сыроежкину стало ясно, что если он будет вдаваться в подробности, то завалит литературу. От привычной для девчонок веселой сорочьей болтовни голова у него пошла кругом.

Элек в соседней комнате решал те же проблемы контактов самых разных подростков.

«Я всю жизнь одинок, – сообщал шестиклассник Лева Н. – Одинок дома, в школе, во дворе. У меня есть товарищи по классу и в хоккей есть с кем погонять. Но нет друга». Письмо кончалось тревожно: «Элек, помоги!»

Схемы Электроника работали напряженно, анализируя ситуацию одиночества. Случай требовал немедленного вмешательства, но Электроник ничего не мог изобрести. Он вспомнил первое прочитанное им письмо. Где-то бродила по городу девчонка с несмеющимися глазами. Значит, тоже одинока. Чем-то глубоко опечалена.

Электроник вызвал Рэсси.

– Не нашел? – спросил он.

– Нет, – кратко радировал Рэсси.

– Девочка с несмеющимися глазами, – напомнил строго Элек. – Она в спортивном костюме. Ищи, Рэсси!

Сергей, услышав разговор, приоткрыл дверь, просунул в щель голову.

– Таких не бывает, Эл! – хрипло заявил он. – Чтоб человек никогда не улыбнулся, это надо жить при... крепостничестве! (Сергей между звонками перечитывал «Записки охотника».)

– А я? – сказал Эл. – Когда я засмеялся первый раз?

– Ты – другое дело! У тебя были друзья... – Сергей махнул рукой. – А мне не до смеха. Девчонки заели. – И он снова уединился в соседней комнате.

– У меня были друзья... – повторил Электроник и почувствовал необычный прилив сил. В этих словах, возможно, таилось решение задачи.

Элек быстро разобрал почту и обнаружил немало таких одиночек, как Лева Н. Это были мальчики и девочки, которые не могли найти сходных по духу людей. У них было, казалось бы, все – дом, семья, учебники, книги, телек, собаки, соседи, много всяких мелких неприятностей и приятных удовольствий. Не хватало лишь друга, с которым можно поспорить, поссориться и помириться, с которым никогда не скучно и никогда не страшно, ради которого можно пожертвовать самым дорогим для себя – личной свободой. И однажды, оценив все это, человек задумывался, почему он одинок.

«Я боюсь покидать детство, хотела бы остаться в нем навсегда, – признавалась в письме к Элеку Наташа М. и пояснила свою позицию: – Некоторые мои подруги стараются помоднее выглядеть, быть «сверхсовременными» в разговорах. А мне они скучны...» И Наташа, порас-

суждав о своем будущем, пришла к выводу: «Я поняла права и обязанности Детства, постараюсь их не забыть».

Элек вспомнил призыв Левы Н.: «Элек, помоги!», и его осенило: «Может, их познакомиться?..» Он испугался такой смелой мысли: как это он, железный робот, смеет распоряжаться будущим двух разных людей? Они оба страдают от одиночества, но ведь они – люди, они должны сами решать свою судьбу...

Какое-то время он сидел неподвижно. Потом вставил в машинку чистый лист, задумчиво отстучал: «Дорогой Лева!» И вынул, отложил в сторону. Вставил другой, написал: «Дорогая Наташа!» Ясно, что венчать оба листа будет подпись: «Электроник». Но какие строки уместятся между началом и концом?

Он увидел что-то очень зеленое, спокойное, приятное – наверное, летний лес, пронзенный солнечными лучами, – и немного успокоился. Потом представил яблоневый сад с белой, ароматной пеной цветов, над которыми вместе с бабочками и шмелями порхают лукавые ребята записочки... Белые бабочки весны, экзаменов, летних каникул порхали в школах над партами. Теперь ясно: все записки должны прилетать точно по адресу!

Элек принял решение.

«Дорогая Наташа! Представь, что существует на свете одинокий человек, – быстро писал он, едва касаясь клавиш машинки. – Нет, не я – совсем другой. Зовут его Лев...»

А Лева Электроник написал, как относится его сверстница Наташа к прекрасной поре человечества, называемой Детством, как вглядывается она со своего корабля, плывущего по веселой и беззаботной реке Детства, в океан Будущего...

Он работал вдохновенно, выбирая из мешков по два разных письма, соединял подчас грустное со смешным, откровение с мудрствованием, лукавство с печалью. Главное было не ошибиться, найти сходные натуры, заинтересовать друг друга общностью интересов, большой целью – истинной дружбой.

Пожалуй, психолог мог бы написать о поисках Электроником сходных характеров целый научный трактат, хотя метод, который он применял, давно известен как метод «психологической совместимости». По этому методу подбираются экипажи космических кораблей, подводных лодок, полярных станций – словом, там, где люди должны в трудных условиях понимать и поддерживать друг друга с полуслова.

Электроник формировал «экипаж дружбы». Например, прочитав тревожное письмо Любы Олиной о том, что в их классе есть мальчишки, которые радуются и хохочут, увидев плачущую девчонку, Элек хотел сначала откликнуться открытым письмом к мальчикам Любного класса. Но потом подумал, порылся в почте и нашел письмо Славы Велика, которое началось знаменитым призывом французского летчика и писателя Антуана де Сент-Экзюпери: «Уважение к человеку! Уважение к человеку!.. Вот пробный камень!..» А дальше Слава писал, какие интересные личности встречаются среди девчонок его класса...

Так Электроник находил единомышленников в разных школах и городах, а иногда неожиданно и в соседних подъездах.

Позже Сыроежкин всерьез убедился, что существует «эффект Р. Электроника».

Снова позвонила Бублик и радостно выпалила в трубку:

– Ой, Сергей, у меня теперь неразлучная подружка Лена. Вот она рядом, дышит в трубку... Слышишь? Передай от нас Элеку большое-пребольшое спасибо. Мы и не знали, что живем в одном доме...

– Передам, – сказал Сергей. – А ты напиши о себе и Лене и Айзеку Азимову.

– Ты имеешь в виду «эффект Р. Даниэля»? – Бублик рассмеялась.

– И Электроника, – добавил Сергей.

Он вошел в комнату, сказал Элу:

– Тебе привет от Р. Электроников... И от Бубликов...

Взрыв энергии

В четверг утром, как обычно, шло совещание в министерстве. Министр заглянул в сводки, отложил в сторону бумаги, задорно сказал:

– Это интересно! Что за взрыв энергии? Что скажете, товарищи?

– Разрешите, Георгий Петрович?

Из-за стола поднялся пожилой инспектор.

– Пожалуйста, Василий Иванович.

– Успеваемость в средних и даже старших классах неожиданно повысилась на восемнадцать процентов, – доложил инспектор.

Присутствующие оживились.

– Конкретные данные свидетельствуют, – продолжал инспектор, просматривая свои записи, – что процент четверочников и пятерочников возрос не только по математике, литературе, физике, но и по таким предметам, как прилежание, черчение и физкультура...

– И по пению! – прервал его инспектор по младшим классам.

– Да. И по музыке, и по рисованию, – подтвердил Василий Иванович.

Мимолетные улыбки участников совещания свидетельствовали, что опытный инспектор и его молодой коллега зарылись в сводках и цифрах, поверили приподнято-весенним рапортам школ и даже самого гороно – городского отдела народного образования, не перепроверили данные перед тем, как докладывать. Где это видано, чтобы ребята весной были прилежными, чтобы они пели хором, возились с красками и подтягивались на перекладине, когда каждый зеленый куст манит на улицу...

Василий Иванович сразу уловил ироничное настроение. Тем более что со своего председательского места министр бросил реплику: мол, прилежание дело индивидуальное, а потому достаточно сложное для обобщения. Инспектор был начеку, во всеоружии. Он вытащил из кармана пачку мятых листов и огласил некоторые личные свидетельства учеников:

– «Мы, девочки-хорошистки, дружно решили стать отличницами...»

«...Всем классом болеть за одного...»

«...Теперь к доске мы бежим бегом...»

«...А я решила догнать Электроника не только в учебе, но и в спорте».

Прочтя эти строки, Василий Иванович оглядел сидящих за столом и опустил на свое место.

– Позвольте, у меня тоже полно таких записочек! – проговорила заведующая гороно, роясь в объемистом портфеле.

– Это не записочки, уважаемая Ольга Сергеевна, а мысли вслух, – парировал инспектор.

За столом происходило нечто странное: участники совещания доставали из карманов, папок и портфелей листки с корявыми буквами и прилежными ученическими строками, передавали их министру.

– Что это еще за Электроник? – иронично спросил заместитель министра, вернувшийся только что из отпуска. – Насколько я помню себя с детства, никто в школе не относился серьезно к музыке, рисованию да и физкультуре. Одни лишь одиночки...

– Представьте, что сейчас все не так! – парировал инспектор. – Особенно в спорте.

Министр быстро просмотрел листки из школьных тетрадей, и глаза его сощурились.

– Как вы это оцениваете, Василий Иванович? – спросил он инспектора.

– Как метод Электроника! – высказался с места инспектор средних классов, наблюдая энергичные кивки инспектора младших классов. – Ребята называют именно его как пример для подражания.

Кое-кто приготовился записывать.

– Еще один метод? – вмешался в разговор заместитель министра, которому вкратце пояснили про Электроника. – На моей памяти были самые разные опыты... Может, хватит, товарищи?

Георгий Петрович встал с председательского места, обошел Т-образный стол заседания, остановился за спиной заместителя.

– Вы правы, Серафим Васильевич, – произнес он. – Делать эксперимент бесконтрольным мы не имеем права. Но и проходить мимо того нового, что подсказывает жизнь, мы не можем...

Опять авторучки потянулись к блокнотам и застыли. Министр молчал, отыскивая глазами нужного человека.

– Гель Иванович, какими еще новыми, а точнее говоря, человеческими свойствами обладает ваш Электроник?

Только сейчас многие узнали знаменитого Громова – авторитетного специалиста в современной педагогической науке. Был он высок, осанист, спокоен. Но когда министр представил его собранию, Громов по-мальчишески покраснел, фальцетом ответил:

– Откровенно говоря, более никакими!.. Пока никакими, – поправился профессор.

– Что же тут изучать... – пробормотал негромко заместитель министра, но его услышали все.

– Должен вас разочаровать, товарищи, – продолжал спокойно Громов. – Процент успеваемости может упасть, когда ребята забудут об Электронике и перестанут ему подражать. Да он и создан не как киногерой, он решает другую важную задачу...

– Какую? – спросили сразу несколько голосов.

– Простите, может, это звучит слишком общо или, с житейской точки зрения, чуть наивно. – Громов оглядел присутствующих. – Но для науки чрезвычайно важно. Робот стремится стать человеком. Настоящим человеком во всех его проявлениях. Проще говоря, он учится у ребят, а ребята – у него.

С минуту в зале стояла тишина: каждый осмысливал такую простую, доступную для любого из них, такую близкую и одновременно далекую для робота цель.

– А мы разве собрались здесь ради отметок? – спросил присутствующих Георгий Петрович. – Надеюсь, никто так не думает? Серафим Васильевич, – обратился он к заму, – скажи, пожалуйста: ты знаешь, что значит – настоящий человек?

– Вроде бы знаю... – Заместитель министра пожал плечами.

Участники совещания обменивались короткими репликами: что дальше, к чему ведет министр?

А тот сел во главе стола, постучал авторучкой по дереву крышки и метнул лукавый взгляд в сторону Громова.

– А я, представьте, так до конца и не знаю!.. – Министр неожиданно улыбнулся. – И хотел бы уточнить для себя это важное определение.

Все с удивлением уставились на него. А он нажал на кнопку звонка, вызвал секретаршу, спросил:

– Товарищи, кто будет пить чай?.. – И, увидев, как все обрадовались, сказал: – Зиночка, чаю всем!

Когда принесли чай, Георгий Петрович уже по-деловому, по-министерски продолжил:

– Итак, прошу высказываться: что значит, по-вашему, быть человеком?

Они шагали по дворам – Электроник и Сыроежкин, и теперь, в ярком солнечном свете, друзей узнавали все встречные. Пестрый шлейф болельщиков тянулся за ними.

«Вот они!» – слышались восклицания. «Кто?» – «Как кто? Проснись! Элек и Серега!..» – «Живые?» – «Настоящие!..» – «А это – неужели Рэсси?..» – «А какой еще пес так запросто летает?!»

Трусивший впереди черный терьер то и дело подскакивал на месте, распускал крылья, взмывал над крышами, высматривая что-то свое, вызывая восторг ребят. По пути Сергей и Элек пожали множество рук, дали десятки автографов, обменялись на ходу мнениями о фантастике, спорте, учебе, получили приглашение в гости, на школьные вечера и клубные спектакли. Какой-то шальной Валерка долго кружил возле них на велосипеде и заявлял, что он поборет своего соперника Калабашкина. Несколько владельцев собак присоединились к процессии, но вынуждены были отстать из-за страшного шума и возбуждения своих питомцев. А один малыш долго путался под ногами Электроника, пытаясь произнести для него необычную, почти нескончаемую фразу:

«Я стал дис-цип-ли-ни-ро-ван-ным...»

Никто не понимал, что ищут знаменитости на спортивных площадках, почему Электроник так внимательно вглядывается в лица именно девочек, почти гипнотизируя некоторых из них. Все решили, что это новая таинственная игра. Никто не знал, что они не могут найти девочку с несмеющимися глазами, ту самую, которую пока не обнаружил Рэсси.

Девчонки, на которых обращал внимание Электроник, улыбались, смеялись, что-то кричали, махали в ответ, и не было среди них человека с несмеющимися глазами. Элек стал уже сомневаться: может, такая девочка и не существует?.. Но подписи под письмом были настоящие, отсутствовал только обратный адрес. Пусть человек без улыбки – один во всем мире, один среди всего человечества, – все равно он нуждается в помощи.

Элек и Сергей обошли добрый десяток площадок, несколько стадионов. У всех девочек были живые, ясные, улыбчивые глаза. Друзья решили было возвратиться в школу, где их ждал Таратар, но тут их внимание привлекло одно дорожное происшествие.

Возле сквера на обочине лежал перевернутый мотоцикл с коляской. Руль был странно изогнут. Собралась небольшая группа любопытных. Приехали машина «скорой помощи» и милицкий наряд. Выяснилось, что мотоциклист, внезапно вылетев из-за поворота, налетел на школьницу и, резко повернув руль, врезался в ствол дерева. Так утверждали несколько человек.

Однако странность истории заключалась в том, что ни пострадавшей, ни виновника аварии на месте не оказалось. Свидетели были растеряны, ничего толком объяснить не могли.

– Вот он! – Электроник показал на могучий старый тополь.

Среди яркой зелени метрах в пяти от земли, в развилке двух стволов, застряло что-то похожее на бесформенный мешок.

Два милиционера направились к тополю.

Элек уже взбирался по толстому шершавому стволу, цепляясь за ветви. Он высвободил мотоциклиста в белом шлеме из западни и без труда усадил на толстый сук, прислонив спиной к стволу. Мотоциклист с закрытыми глазами вяло бормотал: «Не хочу...»

– Что с ним? – крикнул врач «скорой».

– Он спит, – сказал Элек.

Милиционеры переглянулись – мол, дело ясное: только нетрезвый мог после такого акробатического прыжка уснуть на дереве.

– Скажи ему: пусть спускается! – грозно крикнул один из милиционеров.

– Он не может, – объяснил сверху мальчик.

Милиционеры тихо переговаривались, явно не торопясь лезть на дерево для установления личности нарушителя.

«Скорая» подрулила под тополь, и врач с санитаром взобрались на крышу машины.

– Элек, мы в школу опаздываем! – крикнул Сергей.

Мальчик на дереве обхватил свободной рукой мотоциклиста под мышки, осторожно передал его в руки медиков, спрыгнул на землю.

Парня в шлеме осторожно уложили на носилки. Только сейчас он стал приходить в себя.

– Где пострадавшая? – спросил милиционер.

– Какая пострадавшая? – слабым голосом произнес лежавший на носилках.

– Ну, девочка... Школьница...

Мотоциклист приподнял голову, вспоминая, что с ним случилось, и отрывисто забормotal:

– Это она... на меня... налетела и... сшибла!

Он вытянулся на носилках.

– Где она?

Парень лишь поморщился в ответ.

Все удивились странным словам мотоциклиста.

– Где девочка? – продолжал милиционер.

– Я видел! – заявил старичок с батоном в авоське. – Она убежала! Точно... Вон туда. –

Он указал на аллею. – Очень быстро убежала.

Внезапная догадка озарила Электроника.

– Как она была одета? – спросил он старика.

– Во всем синем, – живо отозвался пенсионер. – В спортивном, что ли?

– Это она, – прошептал Элек Сергею и подозвал пса, на которого в суматохе никто не обращал внимания: – Рэсси, ко мне! (Тот был уже рядом.) След, Рэсси!

Пес покругил вокруг дерева и, взяв след, помчался по скверу.

А мальчишки исчезли из толпы.

Последний в этом учебном году урок Таратара оказался для восьмого «Б» самым трудным. Предстояло решить важный вопрос: кем быть дальше? Программистами или монтажниками?

С девятого класса ученики математической школы делились, как известно, на две разные, хотя и родственные специальности. Программисты носили белые халаты и управляли «мозгом» и «душою» электронно-вычислительных машин: они учились разрабатывать и вводить в машины различные программы.

Монтажники в синих халатах имели дело, как они говорили, «с железками», а на самом деле пытались разобраться в очень сложных и тонких схемах микроэлектроники. Естественно, что любой добросовестный программист мог сам найти поломку в машине, а монтажник – составить программу сложной задачи. Однако в специализации имелся свой смысл: после школы перед каждым были тысячи дорог и каждый мог выбрать одну из них.

Сначала восьмой «Б» единодушно выразил желание пойти в программисты.

Как же иначе! Кто открыл Электроника? Кто воспитал его? Кто из него сделал почти что человека? Только они – выдумщики, теоретики новых изобретений!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.